

Библиотека журнала «Голос Эпохи»

Елена Семенова

ЧЕСТЬ – НИКОМУ!

Том I. БАГРОВЫЙ СНЕГ

Елена Семёнова

**Честь – никому! Том
1. Багровый снег**

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Семёнова Е. В.

Честь – никому! Том 1. Багровый снег / Е. В. Семёнова —
«ЛитРес: Самиздат», 2010

Книга Елены Семёновой «Честь – никому» - художественно-документальный роман-эпопея в трёх томах, повествование о Белом движении, о судьбах русских людей в страшные годы гражданской войны. Автор вводит читателя во все узловые события гражданской войны: Кубанский Ледяной поход, бои Каппеля за Поволжье, взятие и оставление генералом Врангелем Царицына, деятельность адмирала Колчака в Сибири, поход на Москву, Великий Сибирский Ледяной поход, эвакуация Новороссийска, бои Русской армии в Крыму и её Исход... Роман раскрывает противоречия, препятствовавшие успеху Белой борьбы, показывает внутренние причины поражения антибольшевистских сил. На страницах книги читатель встретится, как с реальными историческими деятелями, так и с героями вымышленными, судьбы которых выстраивают сюжетную многолинейность романа. В судьбах героев романа: мальчиков юнкеров и гимназистов, сестёр милосердия, офицеров, профессоров и юристов, солдат и крестьян – нашла отражение вся жизнь русского общества в тот трагический период во всей её многогранности и многострадальности.

Содержание

Андрей Можаяев. Хроника распавшегося времени (О романе «Честь – никому»)	5
От Автора	7
Том 1. БАГРОВЫЙ СНЕГ.	9
Глава 1. Кисмет	10
Глава 2. Путь Корниловца	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Андрей Можаяев. Хроника распавшегося времени (О романе «Честь – никому»)

Времена бедствий народных наступают тогда, когда распадается связь времён, по выражению Шекспира. А распадается эта связь в результате отступничества и тяжёлых преступлений носителей власти или против этих носителей и самой власти. Их тяжестью измеряется глубина падения народов, государств.

Книга Елены Семёновой «Честь – никому» – эпический роман в трёх томах, повествование о Белом движении, о судьбах русских людей в страшные годы гражданской войны. Сегодня издаётся достаточно много книг, восстанавливающих историческую справедливость и открывающих идейную правду оболганного Белого дела. И тем не менее, роман видится мне уникальным явлением в этом литературном потоке. Он отличается не просто глубоким изучением, знанием эпохи. Это знание-чувствование, переживание, умное знание. Может быть, это и называется чуткостью. К сказанному следует сразу отметить и образность книги. Прочитав, уже никогда не забудешь образ свиньи-эпохи, пожирающей посреди станичной улицы человеческие останки.

Прежде, чем развёрнуто характеризовать роман, необходимо представить автора. Елена Владимировна Семёнова человек также уникальный в самом лучшем смысле этого слова, как и её книга. Её следует назвать автором разносторонним, увлечённым и опытным. На её счету – несколько изданных книг и сборников. Она – и острый публицист, и поэтесса, и прозаик. А литературно-общественная деятельность её в интернете огромна! Елена Семёнова создала и ведёт целый ряд очень известных сайтов, где собраны важные и редкие материалы по трагической эпохе русской истории. Она же ведёт крупный портал «Архипелаг Святая Русь», литературно-общественный журнал «Голос эпохи» и является главным редактором печатной версии этого «толстого» журнала. Словом, работа колоссального объёма, и находящая горячий отклик у читателей! Ради чего этот труд автора? Ради восстановления нашего искалеченного исторического, культурного и народного самосознания, без которого не будет у нас достойного будущего, как нет настоящего.

В этом трудничестве автора роман «Честь – никому» занимает особенное, центральное место. Эта книга в самом полном значении – цель и смысл жизни писателя. Книга выстраданная, вобравшая в себя годы поисков, размышлений, затаённых от посторонних глаз переживаний. Этот роман не мог не быть написан. И вот он выходит в свет!

Итак, выше я сказал, что это произведение видится мне явлением уникальным. В чём же выражена эта уникальность? Во-первых – истинно эпический размах повествования и охват событий, продолжающий толстовскую традицию в русской литературе. Автор вводит читателя во все узловые события гражданской войны. Мы превращаемся в очевидцев рождения Белой армии, её Кубанского Ледяного похода, боёв Каппеля за Поволжье, взятия и оставления генералом Врангелем Царицына, событий, связанных с деятельностью адмирала Колчака в Сибири, наступления на Москву сил генерала Деникина и его отступления, боёв в предгорьях Кавказа, в Малороссии, Великого Сибирского Ледяного похода, эвакуации из Новороссийска, создания в Крыму Русской армии генерала Врангеля, неравных по перевесу сил сражений за Каховку и Перекоп и Великого Исхода.

Автор Елена Семёнова не просто описывает исторические события, но раскрывает их в тех противоречиях, что препятствовали успеху Белой борьбы, отыскивает их причины и не скрывает просчётов, ошибок и пр. Особенно ярко и сложно эти противоречия эпохи, эти трагические обстоятельства раскрыты автором в их воздействии на характеры вождей Белого движе-

ния: Корнилова, Алексеева, Маркова, Краснова и других, уже упомянутых выше. Эти исторические портреты – особенная удача романиста. Семёновой удалось психологически правдиво и объёмно «вылепить» эти образы.

Особо нужно отметить, что авторский стиль, художественное воображение лишены псевдолитературного романтизма с его выпренность, мифизацией, экзальтацией, лишены стилизаторства и вообще всякого внешнего украшательства. Автор сострадает происходящему, но и трезво его оценивает в ложных действиях, борьбе амбиций, имевших место. Тем самым книга обретает злободневность. Ведь и сегодня русский мир, общество расколоты, расплыены на всё более мелкие фрагменты и, увы, малоспособны к единению на основе твёрдой общей веры и личной чести. И сегодня единству противостоит оболечение ложными идеями, надеждами на возможное прекрасное будущее вне исторического пути Отечества и традиций народной жизни. Противостоят ему также личные амбиции политиков, малодушие, боязнь лишения земных благ и многое другое из этого ряда.

Поэтому роман «Честь – никому» обращает мысль серьёзного читателя от минувшего к дню нынешнему, а от него – к размышлению над самим собой, к проверке собственной души в свете утверждённого уже в самом заглавии идеала. Эта книга не для слабодушного читателя.

Из всего вышесказанного читатель может сделать вывод, что повествование в романе ведётся целиком о событиях, о исторических личностях с попыткой автора по своему выразить их. Это лишь отчасти так. Потому, что главное внимание автор уделяет всё же не вождям, а персонажам, как выражаются, рядовым или обычным героям. Судьбы именно этих героев выстраивают сюжетную многолинейность романа. Здесь мы встретим и узнаем мальчиков юнкеров и гимназистов, сестёр милосердия, офицеров, профессоров и юристов, солдат и крестьян. Это позволяет широко раздвинуть рамки повествования о главных событиях и показать народную жизнь в её полифонии, в будничном повседневном трагизме эпохи. Но и в этом трагизме ослепительными искрами вспыхивают любовь и вера, братское самопожертвование, супружеская верность, религиозно-философские откровения людей, нацеленных на поиск идеала и многое другое. Я намеренно не привожу здесь цитат и выдержек из романа. Его нужно читать целиком, в потоке. И тогда каждый сам почувствует и переживёт то, о чём я здесь пишу.

С этим связано одно из важнейших достоинств романа. Автору замечательно удался художественный язык повествования. Елена Семёнова своим стилем возвращает нас и к живому, и к книжному языку тех времён. Это полнокровный и полноценный, струящийся и журчащий русский язык, который сегодня, увы, многим кажется непривычным, трудным своей полнотой, своим неспешным речестроем и развёрнутостью предложений, прописанностью мыслей и чувств. Язык захватывает и увлекает своей чистоструйностью, вводит в то время.

И последнее, о чём хочется сказать в предисловии к этой удивительной книге. Эпоха гражданской войны гораздо ближе к нам, чем это может показаться. Тогда начинался разгром традиционного уклада, уничтожение физическое, политическое и моральное лучшей части народа во всех его сословиях. Сегодня – продолжается и близится к завершению уже гораздо более изощрёнными средствами. На вопрос, как и чем этому противостоять, да и следует ли противостоять соблазнам пусть не в форме коммунистической утопии, а какой-нибудь «глобальной модернизации» ради всё того же скорого «рая земного», и пробует ответить роман «Честь – никому» Елены Владимировны Семёновой».

Андрей Можяев, литератор, сценарист, лауреат международных кинофестивалей, доцент кафедры драматургии кино ВГИК.

От Автора

«...Подвиг, начатый «горсточкой», есть начало Священной Революции, высоко-духовной революции против тьмы. В ней бились и будут биться за ценности иные: за право оставаться человеком!.. Все, кто чувствует себя русским человеком, человеком, а не скотом, – все с нами, все – в неизвестное, где и смерть, и жизнь, но и смерть и жизнь – только по нашей воле, но и смерть и жизнь – во-имя! Ни классов, ни сословий, ни пола, ни возраста, ни языка, ни веры... – а все, Россия, – во имя святой свободы личной, во имя России общей...»

...Ледяной поход – одна из светлейших, по чистоте духовной, одна из белейших страниц русской истории. Эта сверкающая снежная страница закрыла многие тёмные. И свет этот, хранимый здесь, на чужбине, в тоске по родине, хранимый и там, в России, в безмолвии и тоске, хранимый лучшими, будет сиять и греть. Из него разгорится пламя, не опаляющее, пламя святого Света.

Ледяной поход всё ещё продолжается там и здесь: продолжается чистыми. Он – вечен, как вечный Дух, неугасающая сила человека, человека-света. Вечная память павшим. Вечный завет – живым», – эти строки великого русского писателя Ивана Сергеевича Шмелёва являются, по существу, эпитафией к представляемому вниманию Читателя роману. Эта книга не о Гражданской войне как таковой, не о противостоянии белых и красных, но стане белом, о Белой Борьбе, в истории которой отразились все вечные и проклятые русские вопросы, причины наших поражений и величие Духа, Подвига. Во имя России. Чести. Веры. Чтобы понять причины происходящего с нами сегодня, необходимо вернуться в те окаймленные дни, понять их. Ибо и сегодня мы находимся в той же точке. Те же проблемы, задачи стоят перед нами. Те же вопросы тревожат умы и души. Те же силы руководят всем. Всё – то же. Характеры, процессы, споры... Только позади нас – страшный XX век, вымощенный невиданными потерями.

В этом романе мне хотелось объять все стороны Белой Борьбы. Все полюса. Москва, Петроград, Киев, Дон, Волга, Сибирь – вот, география данной книги. Наряду с героями вымышленными, чья история служит скрепляющей нитью всего произведения, важное место в романе занимают подлинные исторические фигуры: П.Н. Врангель, Л.Г. Корнилов, А.В. Колчак, С.Л. Марков, В.О. Каппель, Ф.А. Келлер, П.Д. Долгоруков, Л.А. Тихомиров, М.О. Меньшиков и др.

Книга целиком и полностью основана на документах, художественный вымысел присутствует лишь в мере, не нарушающей исторической правды, не искажающей фактов. Кроме событий военных и политических в романе уделено внимание положению русского национального движения, искусства и другим аспектам, имеющим важность для исследуемой темы.

Задача данного произведения состояла не только в том, чтобы воспеть подвиг Белой Гвардии, внести лепту в восстановление памяти о нём, но и исследовать, понять причины произошедшей трагедии. Причины поражения Белого Движения. А вместе с тем и причины наших сегодняшних поражений. Ибо они имеют один корень. Насколько удалось справиться с этой задачей, Читатель рассудит сам.

Белая Борьба продолжается и сегодня. Она идёт в душах. И верю, что настанет день, когда Белая Идея одолеет смуту, царящую у нас и победит. Так, как писала об этом Марина Цветаева:

Белизна – угроза Черноте.
Белый храм грозит гробам и грому.
Бледный праведник грозит Содому
Не мечом – а лилией в щите!

Белизна! Нерукотворный круг!

Чан крестильный! Вещие седины!
Червь и чернь узнают Господина
По цветку, цветущему из рук.

Только агнца убоится – волк,
Только ангелу сдаётся крепость.
Торжество – в подвалах и в вертепах!
И взойдет в Столицу – Белый полк!

P.S. Выражаю огромную признательность Андрею Борисовичу Можяеву, чья поддержка и помощь имели для меня при работе над данной книгой неоценимую важность.

Том 1. БАГРОВЫЙ СНЕГ.

Глава 1. Кисмет

26 февраля 1918 года. Станица Ольгинская

Солнце вошло в станицу Ольгинскую, искря лучами по рыхлому снегу в чёрных проталинах, бестревожное, холодное и ясное. Даря свет всем людям, разделённым на непримиримые и жаждущие крови друг друга лагеря, не делая различий между ними, оно смотрело с неизменной приветливостью на всех, пробуждавшихся от его лучей: и на тех, кто встречал его улыбкой и прославлением Вседержителя, и на тех, чьи залитые ненавистью глаза уже разучились видеть красоту Божьего мира, и на тех, для кого это утро было всего лишь одним из чреды тысяч будующих в долгой жизни, и для тех, кто в последний раз видел его...

Четыре дня назад вереница людей, лишённых практически всего в этой жизни, кроме чести, сознания долга и остатков веры в свою поруганную Родину, вышла из Ростова. Офицеры и штатские, юнкера и студенты, женщины и старики – то была ещё не армия, но некий стихийный табор, в мареве беженства не успевший запасть в дорогу даже самым необходимым. И, вот, в ночном мраке, старый и больной генерал Алексеев, опираясь на палку, первым перешёл застывший зимний Дон, осторожно ступая по начинающему таять льду, вслушиваясь в его недовольный треск... Перейдя, не удержался, сказал Деникину с горечью:

– Не знаю, будем ли живы...

Мог ли думать ещё совсем недавно он, потомок крепостных, исключительно своим умом вышедший в профессора и генералы от Инфантерии, начальник Штаба Верховного Главнокомандующего и правая рука Императора, которого Михаил Васильевич, попавшись на крючок столичных политиканов, так невознаградимо, так непростительно и непоправимо позволил лишиться престола, он, привыкший командовать целыми армиями, что такими будут последние месяцы его жизни? И всё чаще вспоминался Государь, так доверявший ему... Во имя чего вытребовали это отречение? На что рассчитывали? Чего добивался он, Алексеев, позоря после многолетней беспорочной службы свои седины? Думалось, будет дворцовый переворот. Переворот, каких немало было в российской истории, и ведь к лучшему выходивших. Думалось, уйдёт Царь, исчерпавший народную веру, неудачливый и слабovolный, уйдёт вместе с ним его злой гений – жена, а на престоле утвердится новый Государь, и всё утрясётся, поправится. Но, знать, прошло время дворцовых переворотов, и, вот, итог: ни Царя, ни России... А какой-то невиданный доселе хаос и мрак, в котором только и остаётся, что вопреки всему затеплить слабый огонёк лампы, светоч, который, может быть, позовёт за собой русских людей, и молиться...

Накануне в Ольгинской прошёл смотр войск. На четырёттысячный состав – сплошь офицеры, юнкера, кадеты, вчерашние студенты и гимназисты... Да и тех-то – мало... Всё затаилось на Дону, все ожидали, что будет, не желали будить лиха и лезть на рожон, словно не понимая, что лихо давным-давно разбужено и не пощадит никого. Как призывал недавно убитый герой Чернецов офицеров встать на защиту Родины, и лишь двадцать семь человек откликнулись на призыв! «Когда большевики займут Новочеркасск и будут вешать офицеров, я буду знать, за что повесят меня, а вы – нет!» – сказал отважный партизан и ушёл на борьбу со своими орлятами – юнкерами и кадетами – и ведь даже ничтожной силой сумел нагнать страху на большевиков. Но нет теперь Чернецова, предательски выданного врагам в своей же родной станице... И многих нет уже, и скольких не будет! И, в первую очередь, не будет этих юных прекрасных героев, некоторым из которых едва исполнилось пятнадцать. Детей на смерть посылать – добро ли?.. Для них вся эта война ещё похожа на игру, их досрочно производят в офицеры, и это важнее всех будующих и бывших страхов. А каково матерям их? Некоторые из этих матерей

ещё в Новочеркасске приходили к Михаилу Васильевичу, со слезами умоляя вернуть их детей. Шли за каким-нибудь жаждущим подвига четырнадцатилетним кадетом в казармы, а он, едва завидев мать и понимая цель её прихода, он, не боявшийся пуль, нырял под кровать – лишь бы не возвращаться домой, когда старшие друзья и братья встали на дело спасения Родины. Плакала мать, упрашивала сына пожалеть её, да и уходила ни с чем... Орлята гибли, а орлы выжидали... На смотре молодцеватый, энергичный, совсем молодой ещё Марков в серой тужурке и белой папахе, обозрел свой Офицерский полк, похлопывая плетью о ладонь, сказал громким, немного резковатым голосом:

– Немного же вас здесь, господа! По правде говоря, я ожидал из трёхсоттысячного офицерского корпуса увидеть больше... – и ободрил тотчас, блеснув крупными глазами, в которых, несмотря на его генеральский чин, солидный послужной список и преподавательский опыт, сквозило ещё молодое озорство: – Но не огорчайтесь! Я глубоко убеждён, что даже с такими малыми силами мы совершим большие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идём. Идём мы к чёрту на рога за «синей птицей»! Теперь скажу вам только, что приказом Верховного Главнокомандующего, я назначен командиром Офицерского полка. Командиры батальонов переходят на положение ротных, ротные командиры – взводных и так далее. Но и тут вы, господа офицеры, тоже не огорчайтесь: ведь и я с должности начальника штаба фронта перешёл на батальон. Вижу, что у многих нет погон. Завтра чтоб имели... – и усмехнувшись лукаво: – Сделайте хотя бы из юбок ваших квартирохозяек!

Одобрительный хохот грохотнул в ответ. Умел, умел Сергей Леонидович найти нужное словцо. Язык его столь же остёр, сколь клинок...

«Из трёхсоттысячного корпуса...» Беда с выжидальщиками! Верно говорят, что, пока гром не грянет... А разве же не грянул? Или нужно, чтобы гром этот непосредственно в темечко каждому саданул, и тогда лишь очнутся? Выжидают казаки. Вот и здесь, в Ольгинской, хоть и не гонят, а смотрят недовольно, исподлобья. Пообещали старики Африкану Петровичу Богаевскому сотню пеших да полсотни конников дать, собралось в назначенный час на площади «воинство» – двадцать подростков четырнадцати-пятнадцати лет.

– Кого ждёте, молодцы?

– Какого-сь генерала Бугаевского...

– Я генерал Богаевский.

– Здравия желаем, ваше превосходительство! – выстроились казачата в шеренги.

– Зачем пришли сюда, молодцы?

– Да вот тятка сказал, что вы смотр нам делать будете!

– А сказали вам тятки, что вы со мной и с «кадетами» в поход пойдёте, с большевиками драться будете?

– Нет, на это мы не согласны!

– Ступайте по домам!

Так и разлетелась беспечной стайкой ребятня, галдя весело, по своим тяткам, которые сами так и не показались...

А юнкера и кадеты, храбрые и чистые орлята, чьи души корёжила разверзшаяся усобица, смотрели счастливо. Сияли их глаза при виде своего кумира, своего вождя – Корнилова. Он выехал на площадь верхом на светло-буланом английском жеребце, а за ним – неотлучный Хан Хаджиев с трёхцветным российским знаменем и офицеры, одетые как придётся – в шинели, кожаные штатские пальто... Впрочем, до офицеров орлятам дела не было. Их взоры и сердца были прикованы к Верховному, по первому слову которого они пошли бы на верную смерть. «Корнилов!» – проносится восторженный, захлёбывающийся шёпот по рядам. И громогласное «Ура!» встречает и провожает его...

А ещё понаехали в Ольгинскую журналисты. И узнал генерал Алексеев неприятную новость: отвечая на вопросы газетчиков, Лавр Георгиевич заявил:

– Куда я направляюсь? Лишь только соберу все части армии и приведу их в порядок – я тотчас же перейду сюда, – и обвёл карандашом на карте станицу Великокняжескую.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Не собирая совета, не совещаясь ни с кем, так просто единолично решил маршрут армии? Хоть и Верховный, а права не имел! Михаил Васильевич с трудом сдерживал раздражение. К тому, что Лавр Георгиевич мало считается с ним и его не любит, он привык уже давно (что греха таить: и сам симпатий к Корнилову не питал), но пренебрегать советом армии в столь важном вопросе – это уже чересчур! Да и им, Алексеевым, пренебрегать не должно бы. Точила сердце обида, старательно, чтобы не раскалывать и без того малочисленные силы, задавливаемая. Кто создал Добровольческую армию? Кто наладил дело? Михаил Васильевич. Сначала в Петербурге, затем здесь, на Дону, под крылом покойного Каледина... По крупицам создавалась Добровольческая армия, которая в будущем должна была заменить собой разложившиеся и распропагандированные войска, стать ядром возрождения новой России. Стекались по одиночке и небольшими группами на Дон немногие верные офицеры, которых нужно было где-то разместить, назначить жалование... А на все затраты – отыскать деньги! А где искать их? С собой Михаил Васильевич привёз десять тысяч рублей, личных и занятых у знакомых. Ещё из Москвы тамошние богатеи «расщедрились» на триста шестьдесят тысяч... Местные же состоятельные люди и вовсе отделялись посылкой армии табака и другой мелочи. Конечно, московских промышленников отчасти можно было понять. Однажды они уже обожглись на схожей помощи: Путилов выделил руководителю Союза Офицеров Новосильцеву крупную сумму, а тот просто и банально прокутил её! В другой раз Путилов денег уже не дал. Но на ростовских и новочеркасских «буржуев», выражаясь языком господ большевиков, понимания не хватало. Ведь им, им самим нужна военная сила, чтобы оборонять их, их родных, дома, предприятия и капиталы от восставшей черни, от заседающих красных, а хоть бы кто раскошелился! Дать средства белому воинству не пожелали, теперь будут дорого платить красному... И уже не деньгами, а жизнями. А всё-таки собирались добровольцы, добывалось оружие, копились с миру по нитке деньги... И всё это его, Михаила Васильевича, трудами!

Но, вот, в Новочеркасск прибыл долгожданный Вождь. Корнилов. Прибыл на всё готовое и сразу оттенил собой Алексева. Алексеев был для армии любимым «дедушкой», Корнилов – кумиром. И вопроса, кому стоять во главе армии, в общем-то, быть не могло. Деникин был прав: уход Михаила Васильевича армию бы расколол, уход Корнилова – убил. Ради дела Алексеву должно было смириться со второй ролью, но тем труднее это было, что Лавр Георгиевич, едва прибыв, повёл себя по отношению к нему откровенно недоброжелательно. Надо же было какому-то чёрту пустить сплетню, будто бы Михаил Васильевич помогал Керенскому укреплять Петроград для обороны от корниловских войск в дни «мятежа»! А Лавру Георгиевичу если что в голову втемяшилось, так уж ничем не выбить. Уж сколько Антон Иванович старался, а без толку... Скверный характер у Верховного. Мог бы ради дела хоть внешне быть сдержаннее! Но не переделаешь. Горбатого, как говорится... В одном здании в Новочеркасске работали, а все вопросы разрешали в письмах, передаваемых адъютантами, чтобы лишний раз не встречаться. «Когда в товарищах согласья нет...» А ведь ещё и вечные претензии со стороны Корнилова! «Дайте мне солдат, солдат дайте! Что это за армия без солдат?!» Дайте! Откуда взять их Алексеву? Разве он Господь Бог, чтобы слепить их из глины и вдохнуть душу? А эта вечная подозрительность... Истрепал себе нервы Михаил Васильевич в этих склоках, так мешавших главному делу. Предложил однажды:

– Вы, Лавр Георгиевич, поезжайте в Екатеринодар и там, совершенно самостоятельно, приступайте к формированию частей Добровольческой армии, а я буду производить формирования на Дону.

Корнилов скривился:

– Если бы я на это согласился, то, находясь на таком близком расстоянии один от другого, мы, Михаил Васильевич, уподобились бы с вами двум содержателям балаганов, зазывающих к себе публику на одной и той же ярмарке.

Балаган... Вот уж точно, балаган... Хотел Лавр Георгиевич податься в Сибирь, но армия не пустила. Без него она лишилась бы души... Без Алексеева – не лишилась бы... И обидно, а надо правде в глаза смотреть. И готов был Михаил Васильевич уступить, но не роняя собственного достоинства, с которым, кажется, уж слишком мало считался Вождь... Положение спасли политики. Хоть на что-то сгодились, хоть тут полезны оказались. Развели-таки конфликтующие стороны, не ущемляя ни одной, нашли «каждой сестре по серьгам»: Корнилову – власть военную, Алексееву – гражданскую, финансовую и внешнеполитическую, Каледину – управление областью. На том и сошлись.

А глухая неприязнь так и не стёрлась. И время от времени давала о себе знать. Вот, и теперь это самовольное решение Верховного о пути следования армии! Нет, не бывать тому! Такие решения могут приниматься лишь на совещании, а, значит, надлежит быть совещанию.

В полдень в просторной хате, занимаемой Верховным, собрался военный совет, созванный по настоянию Алексеева. Лавр Георгиевич погладил редкую, с проседью бородку и пасмурно оглядел узкими монгольскими глазами собравшихся. Спектр мнений был ему уже ясен. Алексеев, Деникин, Романовский, Эльснер и некоторые другие будут гнуть кубанскую линию. На Екатеринодар... Чем кубанские казаки отличаются от донских? А ничем. Та же «хата с краю» до той поры, пока не начнут их из этой хаты гнать. Так к чему искать счастья на Кубани? Обождать на Дону, пока местные казаки всколыхнутся, как только начнут их бить красные банды... Да и что там – на Кубани? Опять казачья политика! Политиканство! Виляния! Самостийность! Михаил Васильевич успел наладить отношения с Кубанской радой и атаманом Филимоновым, даже поощрял самостийные течения, видя в них противовес большевизму. Политика, всё политика... Болото, из которого даже известный враль не смог бы вытянуть себя за косицу! Алексеев не знал казачества, как не знали казачества и его сторонники. Но Лавр Георгиевич – знал! Он сам казак, хоть и другого края. И Богаевский – казак. И он за Дон, за зимовники. И Марков с Лукомским поддержали этот план. А теперь и ещё подмога пришла – Попов с Сидоринным. Походный атаман с начальником штаба и полуторами тысячами человек покинул Новочеркасск за час до его взятия большевиками. В Новочеркасске уже началась кровавая баня... С преемника Каледина атамана Назарова подлец Голубов сорвал погоны, а после его расстреляли, и он успел крикнуть своим палачам:

– Пли, сволочь!

А ведь верил, что его тронуть не посмеют, что не поднимется рука на атамана...

Походный атаман с донцами с родной земли не уйдут, это ясно. Что же, бросать полторы тысячи воинов при таких скудных силах, расплыться? Неразумно. Так и лучше остаться Добровольцам на Дону, переждать в зимовниках, а затем, когда всколыхнутся восстания...

Наконец, все участники совета заняли свои места, и Лавр Георгиевич открыл заседание. Первым слово взял Алексеев. Простое лицо, но умные глаза, смотрящие внимательно из-под очков, профессорская манера держать себя, менторский тон – говорил скрипуче, словно читая одну из своих многочисленных лекций:

– Я считаю, что при уходе отряда на зимовники невозможно не только продолжение нашей работы, но даже при надобности и относительно безболезненная ликвидация нашего дела и спасения доверивших нам судьбу людей. В зимовниках отряд очень скоро будет сжат с одной стороны распутившейся рекой Дон, с другой стороны железной дорогой Царицын-Торговая-Тихорецкая-Батайск. Причём, все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками, что лишит нас совершенно возможности получать пополнения

людьми и предметами снабжения, не говоря уже о том, что пребывание в степи поставит нас в стороне от хода событий в России...

– Ход событий в России, безусловно, важен, – подал голос атаман Попов. – Но для меня и для моих донцов не менее важен ход событий на Дону. Мы не можем покинуть Дон в тяжёлый час. Казачество...

– Казачество совершенно не понимает ни большевизма, ни «корниловщины»! – раздражённо перебил Деникин осипшим голосом. Он покинул Ростов в гражданском платье и лёгких ботинках, не успев даже справиться себе сапоги, и после долгого пути по снегу сильно простудился, и теперь сидел на совещании совершенно больной. – С нашими разъяснениями соглашаются, но плохо верят. Сыты, богаты и, по-видимому, хотели бы извлечь пользу из «белого» и из «красного» движения... Сегодня спрашиваю одного местного деда: «За кого ж будете?» А он прищурился этак хитро и отвечает: «А кто победит из вас, за того и будем!» Им чужды обе идеологии, и они не хотят связываться в чужую для них распрю, пока большевики не схватили их железной рукой за горло!

– В ваших словах много горькой правды, Антон Иванович... Но вы ведь сами сказали только что: пока большевики не схватили за горло. Да ведь теперь схватят! И поверьте, казаки не станут терпеть этого! – усталый голос Попова оживился. – Пройдёт совсем немного времени, и восстания запылают по всему Тихому Дону! И наше дело быть рядом и, по возможности, приближать этот момент, и поддерживать восставших! Господа! Я прожил на Дону всю жизнь, равно как и мои предки. Я знаю казаков! Да, теперь они остерегаются связываться в кажущиеся им сомнительными предприятия, но это ненадолго! Кто знает, что ждёт вас на Кубани? А здесь, ручаюсь вам, восстание и поддержка казачества не за горами. Лишь обождите немного. Пассивность казаков временна, они не снесут красного ига и неизбежно восстанут. Я знаю историю, быт и нравы их, и могу утверждать это и отвечать за свои слова.

Атаман провёл рукой по утомлённому, немного отёкшему после нескольких бессонных ночей лицу. Вся жизнь Петра Харитоновича Попова прошла на Дону. Отец его организовал первый Донской музей, и от него будущий атаман унаследовал живейший интерес и любовь к культуре и истории родного края. Петру Харитоновичу не пришлось бывать на фронте, командовать армиями, но деятельность его вряд ли была менее значима. Именно он пестовал будущие кадры Русской Императорской армии в Новочеркасском военном училище, которое возглавлял. Десять лет Попов прослужил в Московском военном округе, неоднократно руководя военными учениями, превосходно овладев премудростями стратегии и тактики, столь пригодились ему в смутные времена. После революции генерал сделался одной из ключевых фигур на Дону. Когда в Новочеркасске стали заправлять «Областной Исполнительный Комитет» и «Военный отдел», и их нахальные представители хотели разогнать войсковой штаб, атаманскую канцелярию и правительство Дона, Пётр Харитонович в отличие от многих офицеров, подавших в отставку, вступил в борьбу: он организовал охрану находящихся в опасности учреждений и пригрозил «отделу» перевешать его членов. Попов мгновенно понял, что антигосударственным, антиказачьим организациям можно противопоставить только другую мощную организацию – казачью и выступил инициатором создания Союза Донских Казаков, благодаря которому на Дону установилась власть атамана Каледина. Временное правительство обвинило последнего в мятеже и хотело отдать под суд, но Пётр Харитонович быстро собрал верные войска и отправил правительству телеграмму: «С Дона выдачи нет». Мудрый и дальновидный Попов был ближайшим советником Каледина, а затем и его преемника Назарова. От последнего унаследовал Пётр Харитонович пост Походного атамана. Менее двух недель назад в новогоднюю ночь Назаров сдавал ему штаб. Обрисовав общее положение, он обратился к присутствующим офицерам:

– Все вы знаете Петра Харитоновича, прошу выслушать и его.

Попов, невысокий, уже переступивший полувековой рубеж, поднялся:

– Вы меня знаете, знаю и я вас всех за отдельными исключениями. Но не все офицеры как Войскового, так и штаба Походного атамана присутствуют здесь. Это плохая примета. Значит – не все сочувствуют делу борьбы с большевиками и, вероятно, собираются от неё уклониться. Предупреждаю, что борьба будет продолжаться до полной победы над большевиками и никаких компромиссов. Сил у нас немного, но тот, кто сражается на фронте, имеет сильный дух и непреклонную волю к борьбе до победы. Этим мы и победим...

Накануне Пётр Харитонович пытался убедить атамана покинуть Новочеркасск и не рисковать жизнью без всякой нужды, но тщетно: Назаров счёл своим долгом остаться на своём посту до конца... И, вот, теперь это совещание, отчаянная попытка убедить Добровольцев не покидать Дон. Знал Попов, что Корнилов сам склоняется к этому решению, и не жалел сил, чтобы укрепить в нём Верховного, но не слабее было влияние других членов совета...

Снова заговорил, монотонно, не меняя интонации, Алексеев:

– Я должен вам сказать, Лавр Георгиевич, что настроение офицерского состава нервное и неуверенное. Слухи об уходе в зимовники, не успокаивают, а, напротив, усугубляют это нежелательное состояние, порождают нарекание на лиц, ответственных за судьбу тех, кто во имя служения Родине вверил свою судьбу нашей организации. Идея движения на Кубань понятна массе, она отвечает и той обстановке, в которой армия находится... Она требует деятельности, от которой не отказывается большая часть армии. К тому же в центрах – Москве и Петрограде – по-видимому, назревают крупные события. Вывести на это время из строя, хотя и слабую и усталую, армию можно только с риском, что она навсегда утратит своё значение в решении общегосударственной задачи.

– Михаил Васильевич, – в голосе Корнилова, разом напрягшегося, хотя и сохраняющего непроницаемое выражение лица, звякнуло с трудом сдерживаемое раздражение, – крайне сожалею о существовании в армии толков и пересудов, волнующих массы. Распространением их занимаются, насколько мне известно, чины политического отдела, относительно которого усердно прошу вас принять меры. – При упоминании политического отдела на лицо Верховного набежала туча. Чины его ещё в Новочеркасске распространяли слухи о том, что Корнилов собирается объявить себя диктатором и всех их разгонит. После ряда подобных инцидентов Лавр Георгиевич пришёл к окончательному выводу, что работать с этими говорунами и шкурниками нет никакой возможности, и принял решение разогнать их при первой же возможности. Теперь же в любых слухах Верховный подозревал именно политический отдел. – Что касается государственных задач, то я признаю, что при существующей организации управления и постоянном вмешательстве политического отдела в вопросы, его не касающиеся, это невозможно! А, стало быть, единственная цель движения на Кубань – поставить армию в условия возможной безопасности и предоставить возможность её составу разойтись, не подвергаясь опасности быть истреблёнными...

– Эту цель также нельзя недооценивать... – сухо заметил Алексеев.

– Ради этой цели незачем предпринимать столь дальний путь! – возразил Пётр Харитонович. – Послушайте же! Красная гвардия сильна числом своих людей и вооружением, но слаба духом. Красное командование старается привлечь казаков на свою сторону. Если ему это сделать удастся – это будет казачьей трагедией. Но им это не удастся! Мы уйдём в степи и там переждём исцеления казаков от нейтралитета. Придёт весна, казак поймёт, где правда и право, и встанет на их защиту!

– Я согласен с этим, – заявил Богаевский, покрутив острый, загнутый кверху ус. – Дон скоро поднимется, испытав всю прелесть советской власти, и нам не стоит идти так далеко, не зная ещё точно, как нас встретят на Кубани!

– Пойдите, господа, – вступил в полемику сухопарый, с седой бородкой клинышком, Эльснер. – Как интендант, призываю рассмотреть чисто материальный вопрос. Степной район, конечно, пригоден для мелких партизанских отрядов, но как разместится в нём Добровольче-

ская армия в пять тысяч ртов? Зимовники удалены друг от друга и не обладают достаточным количеством жилых помещений и топливом. Расположиться там мы можем лишь мелкими частями, что затруднит управление. А снабжение? Допустим, что зерна и скота нам худо-бедно хватит, а оружие? Одежда? Как быть с другими потребностями армии?

– А большевики точно не оставят нас в покое там, – подхватил Деникин.

– Кубань – богато обеспеченный край, где ещё держится борющаяся с большевиками власть, и там мы сможем заново начать организационную работу...

– Это ещё вилами по воде писано, – покачал головой Богаевский.

– Что же, если говорить о материальной части, то можно и о материальной, – послышался негромкий, рассудительный голос сидевшего в углу Лукомского. – При нашей армии более двухсот раненых и большой обоз, который нельзя бросить. Обозные лошади уже теперь имеют жалкий вид и еле переставляют ноги. На пути к Екатеринодару нам нужно дважды переходить железную дорогу, где несомненно нас будут ждать большевистские бронепоезда. Раненых будет становиться всё больше, лошади вконец вымотаются. А к тому усилится распутица, что ещё больше затруднит наши передвижения. О том же, что происходит на Кубани, мы ничего не знаем. Что если наши расчёты ошибочны? Лучше поступить, как предлагает атаман Попов: перейти пока в район зимовников. Там, вдали от железных дорог, защищённые с одной стороны Доном, мы сможем переформировать армию, заменить лошадей, исправить обоз и просто перевести дух. В ближайшие два месяца большевики не посмеют отойти от железных дорог, а, если отойдут, будут биты. А через два месяца, в зависимости от обстановки, можно будет принимать решение.

За окном начало смеркаться, и стоявший подле него Марков, молчавший всё это время, резко поднял голову и сказал:

– По мне, так нечего за семь вёрст ходить киселя хлебать. Зимовники так зимовники! Давайте уже и порешим на том!

– Горяч ты слишком, Серёжа, – покачал головой Романовский, хмуря благородное, холёное лицо. – Не блох же ловим! Зимовники! А кто сказал, что зимовники смогут обеспечить армию? Лично я в этом сомневаюсь!

– Сергей Леонидович прав, – задумчиво вымолвил Верховный. – Уже сумерки, а мы всё спорим... Разговоры погубили нашу дорогую Родину, а мы и теперь всё разговариваем... – он помолчал, вспомнив, что схожие слова говорил Каледину, когда решил уводить армию из Новочеркасска в Ростов, и атаман почти дословно повторил их перед тем как пустить себе пулю в грудь: «От болтовни Россия погибла». – Поскольку точной информации о зимовниках у нас нет, то нужно провести разведку. Пусть атаман Попов со своими Донцами отправляется туда теперь же. Мы же, имея ту же цель, пока двинемся другой дорогой, чтобы в случае неудовлетворительных результатов разведки, иметь возможность для манёвра. И вот ещё что... Нужно выяснить, что происходит в Сибири и наладить связи там... Туда отправится полковник Лебедев. Есть ли у кого-нибудь вопросы или ещё какие-нибудь соображения?

Алексеев недовольно крякнул, но ничего не сказал. Промолчали и остальные члены совета.

– В таком случае вы свободны, господа!

Собравшиеся стали расходиться. Корнилов вышел следом за всеми и уже на крыльце стал прощаться с атаманом Поповым, покидавшим станицу в сопровождении двадцати казаков.

– Значит, вы меня известите немедленно, как только переговорите со своими. Время не терпит! Вы сами знаете, в каком положении дела, – говорил Лавр Георгиевич, всматриваясь сквозь сумрак в лицо Петра Харитоновича.

– Так точно, Ваше Высокопревосходительство, – кивнул тот и вскочил в седло.

Корнилов проводил взглядом стремительно удалявшуюся конную группу и возвратился в хату. Закопчённая керосиновая лампа чадила, тускло освещала помещение, не достигая углов,

и находившиеся в нём предметы отбрасывали на стены чёрные, длинные тени. Одна из теней вынырнула вперёд и, обретя облик корнета Хаджиева, поставила на стол скромный ужин. Лавр Георгиевич сел и, прищурившись, спросил верного адъютанта:

– А, что, Хан, есть ли у вас..?

Он не успел закончить фразы, и всё понимающий текинец, с обожанием смотревший на своего «бояра», тотчас поставил на стол бутылку водки и рюмку.

– Bravo, Хан. Что бы я делал без вас, – глаза генерала потеплели, но улыбка так и не коснулась губ. Улыбка, вообще, был редкой гостьей на его маленьком, желтоватом и всегда сосредоточенном лице.

Кто-то постучал в дверь, и на пороге возникла невысокая, плотная фигура Деникина, почти нелепо смотревшаяся в штатском пальто.

– А, Антон Иванович! Милости прошу! Разделите со мной эту солдатскую трапезу, – Корнилов приветливо пригласил гостя садиться рядом с ним.

– Спасибо, Лавр Георгиевич, – Деникин глухо закашлялся и сел.

Верховный с заговорщическим видом обернулся к Хаджиеву:

– А что, Хан, найдётся у вас ещё рюмочка?

Текинец с готовностью подал ещё одну рюмку и, наполнив обе, отодвинулся на почтительное расстояние.

– Где вы, Лавр Георгиевич, добываете неисчерпаемое количество влаги, так необходимой в такие тяжёлые дни? – усмехнувшись, осведомился Антон Иванович. – Проклятье, никто не хочет продать моему Малинину и нигде не найти!

– Вот Хан знает, где находится запас, – кивнул Корнилов на адъютанта.

– Хан, пожалуйста, скажите Малинину, где вы добываете, – попросил Деникин.

– Тогда, Ваше Высокопревосходительство, вы не удостоите вниманием наш скромный обед, – резонно отозвался Хаджиев, блеснув из полумрака белозубой улыбкой.

Корнилов чуть улыбнулся, одобрительно кивнув:

– Хан, нет ли у вас ещё для одной рюмки?

Вечер быстро клонился к концу, и, кажется, все ясно понимали, что это последний относительно мирный вечер перед чередой тяжёлых испытаний, ожидающих армию, а для кого-то и вовсе последний в жизни. Деникин, имевший мысль ещё раз попытаться склонить Верховного к походу на Кубань, так и не затронул эту тему, не желая омрачить этот тихий вечер, а вместе с ним и без того нерадостное настроение гостеприимного хозяина. Тем не менее, Лавр Георгиевич без слов понимал, какие невысказанные слова тяготят его сподвижника, но также не обратился к больному вопросу, оберегая иллюзию последнего покойного ужина и не видя смысла в новой дискуссии, на которую и так ушёл почти весь день.

Когда Антон Иванович ушёл, Верховный отпустил адъютанта и, задув лампу, опустился, не раздеваясь, на кровать. Хата, в которой он остановился, напоминала ту, в которой прошли его детские годы. Велико расстояние между Доном и Сибирью, а уклад казачьей жизни схож и здесь, и там. Стены, белёные глиной, на полу половики, столы, покрытые белыми скатертями, небольшое зеркало, обвешанное полотенцем, лубочные картинки... А в углу мерцает лампада перед большой иконой... Икона в хате была единственной и изображала сцену положения Христа во гроб. Лавр Георгиевич смотрел на неё, не отрываясь. Ему чудилось, что неслучайно именно эта икона оказалась в хате, что в этом есть какой-то грозный символ. Один из самых трагических мгновений во всём Евангелии. Тот, Кто пришёл спасти Божий народ, предан, обогнан, распят и, вот, положен во гроб. И даже самые преданные отреклись и спрятались, боясь навлечь на себя бедствия. И, кажется, нет никакой надежды... Но ведь минет всего лишь два дня, и Ангел возвестит: «Что ищите живого меж мёртвых?» С каким вдохновением читал этот Евангельский стих станичный священник, обучавший казачат в Каркаралинской приходской школе, где получал азы образования девятилетний сын хорунжего Георгия Корнилова... И

как просто и понятно звучало всё в устах бесхитростного батюшки... И послышался, словно наяву, дребезжащий, но вдохновенный голос: «Да воскреснет Бог, да расточатся врази его...» Рука сама собой сотворила крестное знамение, но легче на душе не стало. Какое-то дурное предзнаменование таилось в скорбном образе, на котором ничто не напоминало о грядущем Воскресении...

Краткая передышка перед походом почти не сняла усталости. Да и что могло снять её, накапливаемую месяцами, годами? Колесо жизни помчалось вдруг с такой невиданной скоростью, что за один день событий стало выдаваться больше чем некогда в месяц. И событий – сплошь страшных, постыдных, трагических. Долго-долго ещё не придётся мечтать об отдыхе ни России, ни армии, ни её командующему. Да и сколько времени нужно, чтобы отдохнуть от всего этого? Кажется, и года мало будет... А, между тем, для армии так важен отдых! Атаман Попов и другие сулят его в зимовниках, Алексеев – в Екатеринодаре... И кто из них прав? Сердце Верховного определённо тяготело к плану Походного атамана, столь дельно поддержанному Лукомским. Но... Что если всё-таки ошибка? Попов ратует в этом вопросе, в первую голову, о своих казаках, о Доне, отодвигая на второй план остальную Россию. На казаков уверенно положиться нельзя. Казаки – себе на уме. Конечно, они восстанут против красных банд, тут и сомнений нет. Но – когда? Не будет ли это слишком поздно? И во что выльется их восстание? Освободят родной Дон и айда по хатам да базам? А остальное – не их забота. Казаки воевать не хотят, казаки хотят заниматься хозяйством, казаки не пойдут освобождать остальную Россию, если не почувствуют ясно, что это необходимо им самим. Попов думает о казаках, которые непостоянны, а Верховный обязан думать о своих Добровольцах, принимающих муки и смерть за Родину, верных долгу и вверивших свои судьбы не кому-нибудь, а именно ему, генералу Корнилову.

Так же точно рассуждал Лавр Георгиевич и чуть раньше, уводя своё войско из Новочеркасска в Ростов, несмотря на уговоры Каледина этого не делать. А вот Алексеев, в противовес атаманам, готов строить планы на всю Россию. В центрах назревают события! Чёрт бы взял эти центры с их политиками... Что путного может созреть в тамошних болотах? Нет, довольно политики и разговоров! Только – действие: твёрдое и жёсткое. Калёным железом выжигать заразу большевизма, отравляющую и убивающую весь русский организм! Перевешать всех этих Лениных и Троцких! И пусть вопят стогласно: «Корнилов – палач!» Корнилов лишь истребит заражённые клетки организма, пока болезнь окончательно не уничтожила его целиком. Неблагодарное дело, но прошло время белоручек! Эти проклятые белоручки, играя в гуманность и развязывая руки бандитам и мерзавцам, довели Россию до невообразимого позора. Теперь нужна сильная воля и твёрдая рука. Эта рука должна извести под корень смертельную заразу, а после наступит время лечения. Но уж это дело других. Пусть собирается Учредительное собрание, устанавливает любую форму правления, принимает необходимые законы... Корнилов примет их и подчинится. Уйдёт на покой, станет писать мемуары, а, всего лучше, посвятит оставшиеся дни географии, составит подробное описание Кашгарии и других местностей, в которых так счастливо совмещал он разведывательную деятельность с исследовательской. А куда нужно давить, давить распоясавшихся бандитов, укравших власть. Только много ли удастся такими малыми силами? Куда поведёт он завтра своих верных офицеров и восторженных боготворящих его юнкеров, ещё не успевших узнать жизни? На смерть? Во имя чести, во имя России... На смерть, но смерть эта будет славной и, может быть, послужит примером.

Сон упрямо не сходил на усталую голову, мысли теснились, споря друг с другом, и воспалённые глаза Корнилова сверлили ночную тьму. За окном поблёскивали огни костров, доносились негромкие голоса, ржание лошадей и лай собак. Кажется, многим не спалось в эту ночь...

И всё же – зимовники или Кубань? Неотступно терзал Верховного нерешённый вопрос. Совет с небольшим перевесом ратует за Кубань... Алексеев... С ним соглашаться не хочется. Слишком погряз в политике Михаил Васильевич, хитрит, интригует со своим политическим

отделом, который давно бы разогнать! Екатеринодар – база крепкая, но что известно о кубанских делах? Ничего! Как в старой сказке предлагается пойти туда, не зная куда... За синей птицей, к чёрту на рога, как Сергей Леонидович нынче определил метко. Но далеко улетела наша синяя птица – излови-ка! И оружия – нет. В зимовниках оружием не разживёшься, а в Екатеринодаре... Нет, не нужно идти в Екатеринодар. Ничего неизвестно о Екатеринодаре. И Попов со своим отрядом не пойдёт с Дона, а распылять силы – разумно ли? Екатеринодар! Кубанская Рада, с которой столь дружен Алексеев... Снова казачья политика, самостоятельность. Кавардак и ничего больше! Снова пустая болтовня заменит дело, а от болтовни – увольте. Слуга покорный! Если же – Екатеринодар, так дело Верховного довести до него армию, а там пускай разбираются сами. Он с себя полномочия сложит. Никогда больше не втянут его, боевого генерала, в эту грязь, в эту говорильню, от которой одна беда, в эту политику, где лгут все и обо всём, и вечная мука – разочарование в людях, мука, которой, как и всякой другой болью, не поделишься ни с кем.

Привык Верховный все свои тревоги хранить в себе, не доверяя сторонним людям, а близких по-настоящему, почитай, и не имел. Кубань богата, Кубань ещё борется, армия – за Кубань. А тайный, внутренний голос восстаёт против. Хотя голос этот, по совести говоря, и на Дону не велит оставаться, а зовёт в Сибирь, в родную Сибирь, которую с детских лет знал Лавр Георгиевич. В Сибири он был уверен, в Сибирь рвался с первого дня нахождения на Дону. Там бы всё пошло иначе, там бы поднял мощную силу, которая смела бы этих трусливых бандитов. Ах, если бы можно было добраться до Сибири! Но это за пределами возможностей сегодня, а потому надо гнать бесплотное мечтание и принять-таки решение... Что за мучительный труд – принимать решение! Ведь, в конечном итоге, всё будет зависеть именно от этого решения. От решения Верховного. От его, Корнилова, решения. Он один отвечает за всё дело, за армию, за вверенные ему жизни. Так и придавила к земле эта тягость неподъемлемая. Большинство – за Екатеринодар. И Деникин, с которым успели сблизиться... А он, Верховный – против. Он своим волевым решением хочет повести армию в зимовники, невзирая на мнение совета. И тогда вся ответственность ложится на него одного, и, если что, то вся вина исключительно его. Да и нет же каких-то твёрдых возражений против Кубани. Лишь одно глубоко укоренившееся чувство, что не нужен этот тяжкий поход, что курс на Екатеринодар ошибочен. Но можно ли в таком деле полагаться на собственное чувство, доверять себе больше, чем другим? Ведь другие тоже знают, о чём говорят. Алексеев, как ни относись к нему, опытный стратег. Но как преломить себя? Как принять решение, противное душе? И нужно ли его принимать? Если бы знак какой-нибудь, чтобы убедиться... Вот, уж точно, витязь на распутье: направо пойдёшь – коня потеряешь, прямо пойдёшь – жизнь... Откуда чувство, что «прямо» – Екатеринодар? В русских сказках витязь непременно выбирал прямую дорогу, дорогу, которая сулит ему смерть. Уподобиться этому сказочному витязю, на которого, между прочим, так похоже всё белое войско? Пойти «прямо» и положиться на судьбу?

Всё тише становилась станица. Кажется, сон, наконец, сморил всех белых витязей, давая набраться сил перед выступлением в поход. Но Верховный не мог забыть ни на секунду. Поднявшись с кровати, он нащупал в темноте свою палку и, опираясь на неё, вышел из хаты, не будя спящего адъютанта. Холодный воздух отрезвил разгорячённую и отяжелевшую от нелёгких мыслей голову. Ночь была ясной, бледный месяц, изредка укутываемый прозрачной дымкой, тускло блестел высоко над головой, словно начищенный бок самовара, и безучастно взирал на промёрзшую землю, на людей, коих впереди ждали неизвестность и вероятная гибель. Корнилов глубоко вздохнул, вбирая грудью стылый воздух с подмешанным в него дымком от горящих то там, то здесь костров. Спустившись, с крыльца он медленно побрёл по разбитой, уже тронутой распутицей дороге, вдоль плетней и тёмных дремлющих хат, надеясь, что прогулка освежит его, вернёт ясность затуманенному разуму. Лениво побрёхивали собаки, слышав шаги, завидев маленькую фигуру, идущую во тьме.

Холод быстро дал о себе знать, и генерал подошёл к костру, у которого на корточках, понунив светловолосую голову, сидел поручик-корниловец.

– Разрешите обогреться, поручик? – негромко кликнул его Лавр Георгиевич.

– Да, конечно... – глуховато отозвался офицер, поднимая голову. Узнав генерала, встрепенулся, вскочил на ноги, воскликнул по-боевому, отдавая честь: – Здравия желаю, ваше...

Корнилов поднёс палец к губам:

– Тише, поручик, тише. Мы с вами не на параде, а вы своим криком всю станицу перебудите.

– Слушаюсь, Ваше Высокопревосходительство, – уже тише ответил поручик.

– Сдаётся мне, что я вас уже видел. Вы ведь представлялись мне? Ещё в Могилёве?

– Так точно! Вы тогда вручали георгиевские кресты нескольким Ударникам. Среди них был и я.

– Да, да, правильно... Вы были из первых Ударников, мне Митрофан Осипович хвалил вас тогда за проявленную отвагу... – Корнилов нахмурился. – Только имени вашего не могу припомнить.

– Николай Петрович Вигель, Ваше Высокопревосходительство!

– Вот, теперь вспомнил, – кивнул Верховный, рассматривая стоящего перед ним офицера. Тот был высок, ладно скроен, благородное русское лицо ещё дышало молодостью, но морщины уже коснулись высокого чела, наполовину скрытого светло-русый чубом, залегли тенями в уголках губ. Этот храбрый офицер уже очень хорошо успел узнать, что такое война, и наблюдательный взгляд генерала не пропустил и трёх нашивок, свидетельствующих от трёх ранениях поручика.

– Вы ведь родом из Москвы? – припомнил Лавр Георгиевич.

– Так точно, – подтвердил Вигель, видимо радуясь, что Верховный запомнил его. – Мой отец служил судебным следователем, а затем был депутатом московской городской Думы. А я начинал адвокатом, но оставил это поприще, отправившись на войну вольноопределяющимся.

– Поступок патриота...

– Тогда почти все были так настроены.

– Вы правы, поручик, – вздохнул Корнилов. – Спрашивается, куда испарилось это настроение... Давно вы на Дону?

– Не очень. Мне, как и многим Корниловцам, пришлось очень долго и трудно добираться сюда.

– Скажите, поручик, почему вы стремились именно сюда, а не в Москву, где вас ждут родные? – генерал пристально вглядывался в лицо офицера.

– Я как-то не раздумывал об этом, – признался Вигель. – Я являюсь офицером вашего полка, я люблю своих товарищей и своего командира, полковника Неженцева. Я бы счёл себя опозоренным, если бы в трудную минуту не был с ними. Для меня это было бы равносильно измене.

Лавр Георгиевич одобрительно кивнул, и хмурое лицо его немного посветлело. Помедлив немного, он спросил пытливым, ища вызнать мнения простого офицера, а не генералов и политиков:

– А что, Николай Петрович, вы думаете о нашем положении? Что нас ждёт, по-вашему?

– Или грудь в крестах, или голова в кустах, – пожал плечами поручик. – Победа или смерть.

– Широкий выбор, – грустно усмехнулся Верховный. – И как вам самому такое положение? Как вам – быть зажатым в тисках?

– Не очень удобно, по правде говоря. Но, если судьба уготовила мне такой жребий, то остаётся лишь принять его и с честью нести данный крест. От смерти я не бегал никогда, не

побегу и теперь. Да и неужели мне бояться смерти, если я принимаю её за Россию, за други своя... – и уже тише добавил Вигель, – и за вас...

Лавр Георгиевич быстро скользнул глазами по лицу поручика и отвёл их. Вот, и этот тоже... Верит в Корнилова, как в Бога. Судьба, жребий... А ведь для этого молодца судьба – это воля Верховного, которому он так безвозмездно отдаёт свою молодую жизнь, следуя примеру своего командира. Господи, как тяжёл этот груз ответственности за жизни тех, кто так верит в тебя! И как страшно ошибиться, чувствуя эту веру... Корнилов помолчал и, наконец, решил задать главный вопрос, от которого не удавалось забыть ни на мгновение:

– Скажите, поручик, как вам кажется, в какую сторону предпочтительнее следовать армии?

Офицер напрягся, лицо его омрачилось.

– Мне трудно судить об этом. Но я бы предпочёл идти на Екатеринодар... – вымолвил он неуверенно.

– Почему?

– Я... То есть мы... Я и офицеры, которых я знаю... – сбивчиво и взволнованно начал Вигель. – Мы считаем, что нужно действовать, а не выжидать. Большевиков много, но воевать они пока не умеют, и мы даже малыми силами сможем их разбить. В бездействии в армии начнётся брожение... А действие сплотит её. Движение вперёд, бои с врагом и единая цель – вот, что нужно армии. И это – Екатеринодар...

– А не кажется вам, поручик, что Екатеринодар не больше чем прекрасный мираж, который манит нас и растает, как только мы приблизимся к нему? Мы похожи на измученных жаждой путников, которым в пустыне, в степи отчаяния грезится оазис с водой. Они бредут к нему из последних сил, а он исчезает... Вы не бывали в степи отчаяния поручик, а я пересёк её всю. Я знаю, о чём говорю. Наша степь – это тоже степь отчаяния... Пожалуй, ещё более страшная.

– Я могу заблуждаться, Ваше Высокопревосходительство. Я лишь передаю вам настроення, которые мне известны. Екатеринодар сплотит армию, а зимовники рассеют...

Корнилов поднёс свои маленькие, смуглые руки к огню. В свете пламени ярко блеснул не снимаемый уже много лет перстень, а на нём два иероглифа, означавших одно слово: «судьба». Судьба. Рок. Фатум. Кисмет... Стало быть, Екатеринодар и есть судьба? А от судьбы не уйти, судьбе нужно подчиниться... Верховный поднял голову, слабо улыбнулся:

– Спасибо вам, поручик, за честность. Прошу вас никому не рассказывать о нашем разговоре.

– Слушаюсь, Ваше Высокопревосходительство.

– А знаете, Николай Петрович, из вас вряд ли бы вышел хороший адвокат.

– Почему?

– Вы слишком солдат и слишком честны. Вы не политик. Поэтому вы мне нравитесь. А теперь – отдыхайте. Завтра мы выступаем. Спокойной ночи, поручик!

– Благодарю, Ваше Высокопревосходительство, – порывисто ответил Вигель и, кажется, хотел сказать ещё что-то, но осёкся и так и остался стоять у костра, выпрямившись, в распахнутой шинели, с лицом, полным благоговения перед этим маленьким генералом, так запросто и почти по-отечески говорившим с ним, словно бы не было между ними почти никакой дистанции.

А Верховный быстрым шагом направился к своей хате, чувствуя, как уже до костей начала пробираться его февральская холодная ночь. В истерзанной душе, наконец, явилась решимость, но отчего-то не приносящая облегчения, решимость вымученная, болезненная, будто бы исторгнутая силой. Но теперь уже ничто не могло изменить принятого решения, окончательного, как смертный приговор военно-полевого суда. Кисмет...

Глава 2. Путь Корниловца

27 февраля 1918 года. Станица Ольгинская

Костёр ярко вспыхнул, выбросив во мрак столп искр. Вигель в волнении мялся с ноги на ногу. Его переполняло желание рассказать кому-нибудь о своём разговоре с Верховным, но данное слово не позволяло этого, и лишь внутри себя переживал Николай мальчишескую радость от того, что сам генерал Корнилов удостоил его, молодого офицера, беседы.

В который раз Вигель задавался вопросом, что это за необъяснимая сила, влекущая людей к Корнилову, рождающая такое восхищение, обожание и поклонение? Какова же мощь этой выдающейся личности, что так чувствуют её все, и одни боготворят, а другие захлёбываются ненавистью! Какова сила её, что так крепка и неколебима вера в неё? Нет, если и остался в России человек, способный остановить торжествующего Хама, то это – Корнилов. Только ему под силу такой великий подвиг, и к нему теперь обращен взор терзаемой Родины! Но – так ли это? С юных лет Николай отличался большой въедливостью, склонностью к анализу: как себя, так и окружающих. И вот, теперь он пытался проанализировать личность и поступки Верховного и своё отношение к нему. Ведь уже не безусый юнец поручик Вигель, чтобы просто зажмурить глаза и обожать Вождя, ведь должны быть какие-то причины, отчего так влечёт его, именно его, к генералу Корнилову. Есть люди, одна фигура которых привлекает к себе взоры, люди яркие, люди, которые выделяются всегда. Но во внешности маленького, сухонького генерала со смуглым монгольским лицом ничего подобного не было. И тем удивительней казалось, что этому с виду заурядному человеку удавались подвиги, о которых слагались легенды, которых хватило бы на увлекательный роман в духе Майна Рида. Знание семи иностранных языков, разведывательная и научная деятельность в Китае, Индии, Афганистане, переход по степи отчаяния, которой не одолел прежде ни один отважный путешественник: без воды, под палящим солнцем, не забывая составлять план местности. А ещё – «стальная» дивизия, плен, три попытки бегства (ни один генерал бежать и не пытался), из которых последняя удалась. Что за удивительная судьба! Что за огромная воля! Именно её, должно быть, и чувствовали все под неприметным обликом Корнилова.

Не отличался Верховный и речистостью. То ли дело – Сергей Леонидович Марков! Что не слово, то афоризм! И из этих афоризмов едва ли треть можно повторить в дамском обществе. Корнилов таким талантом не обладал, говорил сухо, нервно, рублено, но и это не было важно в нём. А что же? Что? Славная биография генерала, безусловно, восхищала и влекла Вигеля, но было, было за всем этим что-то другое, что-то главнейшее, чего пока он не умел себе объяснить.

«Из вас вряд ли вышел бы хороший адвокат. Вы слишком солдат и слишком честны», – вспомнились слова Лавра Георгиевича. Правду подметил генерал – так и есть... Николай чуть улыбнулся своим мыслям. «Поэтому вы мне и нравитесь!» – дорого бы дал всякий Корниловец за такие слова из уст Вождя...

Юридическую стезю Николай Петрович Вигель не избирал. Она избрала его сама. Точнее, выбор этот сделала «тяжёлая», как шутили в семье, наследственность. В самом деле, куда ещё мог направить стопы юноша, чьим отцом был знаменитый на всю Первопрестольную следователь, в доме которого постоянно бывали его коллеги, среди которых – поистине выдающиеся сыщики? А ещё был старый наставник отца и крёстный матери Николай Степанович Немировский, в честь которого он получил своё имя, бывший для Николаши любимым дедом, мудрым, справедливым, добрым. Какое счастье было приходить к нему в кабинет и подолгу сидеть там, слушая его мягкий голос, чувствуя на себе ласковый взор солнечных глаз, греясь в их сохранившемся до глубокой старости тепле. Николаше казалось, что нет ничего на свете, о

чём бы Николай Степанович не знал. Мальчик любил его даже сильнее, нежели родного отца, особенно, после того как последний спустя несколько лет после смерти матери женился снова. Николай не обиделся на этот шаг отца, тем более, что мачеха оказалось женщиной редкого чутья и душевности, и брак этот благословили дед и его сестра Анна Степановна. И всё же отец и сын отделились друг от друга. Петр Андреевич, без того всё время занятый на работе, теперь посвящал семье совсем редкие минуты, а Николаша, уже гимназист, начинал жить самостоятельной жизнью. И если ему нужен был совет, он бежал за ним не к отцу, а к деду Николаю Степановичу. Последний, к слову, был не менее известен в обществе, чем отец. Имя следователя Немировского упоминалось в газетах ещё до того, как молодой Пётр Вигель начал свою службу под началом всё того же Николая Степановича. Дед дослужился до чина действительного статского советника, после чего вышел в отставку и занялся преподаванием. Его лекции пользовались большим успехом в Московском Университете, на юридический факультет которого и поступил Николаша, продолжая семейную традицию.

Детство Николая было вполне счастливым, если не считать раннего ухода матери. Мать была удивительной женщиной, и повзрослевший Николаша, задумываясь о спутнице жизни, тщетно пытался найти подобную ей и никак не мог понять, почему отец так и не смог полюбить её, как она того заслуживала, а будто всю жизнь ждал ту, которая в итоге стала мачехой Николая.

Мать, Анастасия Григорьевна Вигель, отличалась редким жизнелюбием, добротой и весёлостью. Что бы ни происходило, она всегда оставалась радостной и щедро дарила свою радость, тепло и участие каждому, кто оказывался рядом, не соизмеряя, не оценивая человека. Николаша не помнил, чтобы мать сердилась на кого-то, повышала голос, была печальна, но всегда от неё шёл какой-то свет, неукротимая бодрость, передающаяся другим. Казалось, такой энергии хватит на долгую-долгую жизнь, но Бог распорядился иначе... В Бога в семье Вигеля верили все. Особенно – женщины: сама мать, тётгушка Анна Степановна, и также старушка-кухарка. И если матери, занятой многочисленными мирскими делами, на многое не доставало времени, то Анна Степановна, преодолевая мучающие её хвори, всеми силами приобщала Николашу к Церкви. Она возила мальчика по дивным московским церквам, прикладывала к мощам, читала ему вслух духовные книги, а однажды, уже после смерти матери, взяла с собой в паломничество в Троице-Сергиеву Лавру, и воспоминание о том ярким пятном навсегда запечатлелось в душе Николая. А ещё, часто-часто вставал перед глазами образ матери в последнюю их встречу. Незадолго до смерти Анастасия Григорьевна уехала из дома и поселилась в Шамординской обители, среди насельниц которой была её давняя подруга. Туда Николаша приехал к ней за последним благословением. Мать, некогда отличавшаяся лёгкой полнотой, была очень худа, одета в тёмное простое платье и платок, повязанный по-монашески и скрывающий большую часть лица, но даже и теперь лицо это светилось радостью, в нём жило духовное умиротворение, покой и просветлённость, а глаза сияли... Мальчику показалось, что мать стала похожа на иконный образ, что она уже поднялась от земли, и земного в ней ничего не осталось. Он опустился перед ней на колени, поцеловал худую, белую руку, она крепко обняла его, перекрестила и одела на шею серебряный медальон с изображением Святителя Николая. Когда Николаша уходил, мать поднялась, сделала несколько нетвёрдых шагов следом, перекрестила. Это было последнее их свидание... Мать часто такой и снилась Николаю: стоящей в маленькой комнате, похожей на келью, уставленную иконами, перед которыми мерцали лампы, и крестящей его вслед тонкой рукой... При ней Николаша не плакал, чтобы не нарушать её покойного и светлого настроения, рождённого сознанием, что она уходит не в неизвестность, но ко Христу, и глубинной, подспудной радостью в предчувствии этого будущего сретения. Но, простившись, долго не мог потом оправиться от навалившегося при известии о её кончине горя, и лишь паломничество в Лавру, на которое старая Анна Степановна решила ради него, исцелила скорбящую детскую душу.

Детство минуло, покинула мир добрейшая тётушка, а следом и верная её прислуга, и свет чистой веры, горевший в душе, начал меркнуть, как если бы забывали подливать в лампаду масло. Пришли новые увлечения, новые друзья, кипела молодая кровь, кипела жизнь вокруг, и Николаша всё реже стал бывать в церкви. Общественная жизнь накалялась, и разве могли её вихри не закружить молодую, пускай даже разумную, голову? Да и как противостоять студенческому братству? Как не участвовать в его шумных выступлениях, чувствуя себя едва ли не вершителем судеб страны? Позже, вспоминая об этом, Николай не раз удивлялся, до чего же ещё глуп был тогда. Он был всего лишь крошечным винтиком страшной машины, нацеленной на разрушение и управляемой теми, кто готов стереть с лица земли всё, что с детства было дорого Вигелю. А он ещё гордился этим, чувствовал себя важным и значимым! Мальчишка, одно слово... За участие в беспорядках Николашу едва не исключили из Университета, и лишь заступничество Немировского тогда спасло его. Николай же Степанович взял с него слово, что впредь подобного не повторится:

– Молодо-зелено, понимаю. На первый раз тебя за молодость да глупость можно извинить. Кто в твои лета не дурил. Но на другой раз вступаться не стану – выпутывайся, как знаешь.

Другого раза не случилось. Пристыжённый Николай стал учиться добросовестно и к окончанию учёбы имел уже вполне определённый образ мыслей, далёкий от революционного. Из всех идей, выдвигаемых в ту пору, юный правовед наиболее увлёкся одной – «теорией малых дел», проповедуемой столь любимым им Чеховым. Именно так и только так можно изменить положение дел в России! Не воюя с правительством, а идя с ним параллельными дорогами, утрясая жизнь на отдельных небольших участках, до каждого из которых не может дотянуться правительственная рука. Да и не нужно ей! Нельзя всё наладить сверху, а нужно движение верхов и низов навстречу друг друга, а образованным людям следует не раздирать ещё больше раны, которыми покрыто русское общество, но заживлять их, стать мостом между его полюсами! Так в те дни рассуждали многие. Врачи и педагоги, пренебрегая успешной карьерой, ехали в глухие деревни, практически безвозмездно лечили и просвещали людей, не жалея сил, подрывая здоровье. Всё громче и настойчивей заявляло о себе земство, в котором власть столь недальновидно видела отчего-то угрозу себе, когда не было ей более твёрдого подспорья. Единомышленников себе Вигель нашёл быстро. Пятеро из них учились с ним на одном курсе, а шестой был старшим братом одного из них и по совместительству практикующим адвокатом. Так образовался кружок, где было решено: поскольку простые люди не имеют средств оплачивать адвокатов, а потому часто страдают от несправедного суда, то следует организовать общество, члены которого взяли бы безвозмездно отстаивать интересы малоимущих. Основой такого общества и стал их студенческий кружок. Председателем был избран самый старший и опытный из всей семёрки, молодой адвокат Евгений Переслевский, в помощники себе он взял своего брата Сашу и Николая Вигеля, как самого способного ученика на курсе.

Отец Николаши не очень обрадовался тому, что сын избрал поприще адвоката, не преминул выразиться: «Из-за этих юристов-артистов суд скоро станет настоящим балаганом». Николай Степанович откликнулся мягче, одобрил идею защиты малоимущих и даже обещал помогать советами, но Николай понимал, что дед тоже желал бы видеть его следователем, а не адвокатом.

Семёрка энергично взялась за работу. Помочь удавалось многим, но вскоре перед энтузиастами во всей своей неприглядности встал финансовый вопрос. Оказалось, что жертвовать собственным благополучием готовы не все. Первым сдался сам председатель, который удачно женился, перебрался в столицу и там открыл своё дело. Его место нежданно для себя занял Вигель, но и на этом отток членов не закончился. Кока Груздев был уличён в получении денег от бедных людей, которых полагалось защищать безвозмездно, и после бурной ссоры был

исключён из организации. Погиб, утонув в реке, Муля Хонин. Уехал, соблазнившись выгодным предложением, младший Переслевский. Правда, с младшего курса к кружку примкнул ещё один член, и оставшаяся четвёрка благополучно просуществовала до августа Четырнадцатого года. К тому моменту Николай уже начал тяготиться своим делом, но продолжал добросовестно работать, не считая себя вправе устраниваться, как это сделали некоторые товарищи, а после объявления войны с чистой совестью сложил с себя полномочия председателя и записался добровольцем на фронт. Оставшаяся тройка проработала ещё несколько месяцев, после чего распалась окончательно.

«Вольноплёт» Николай оставался недолго – вскоре закончил полугодовые офицерские курсы и вернулся на фронт в чине прапорщика. Потянулись долгие окопные месяцы, за которые война истребила образ благополучного московского адвоката, явив вместо него смелого грамотного офицера, ориентирующегося на поле боя ничуть не хуже, чем в суде. Трижды Вигель был ранен: дважды легко, а один раз врачи едва выходили его. И на целых два месяца Николай вынужден был вернуться в Москву, чтобы оправиться от полученной раны.

Но вот, грянула революция, и началась какая-то бессмысленная круговерть, в которой решительно мало кто мог что-то разобрать толком, и даже самые дальновидные умы поддавали нездоровой всеобщей эйфории. Но вдруг среди повсеместного распада и гниения символом надежды, вскинутым булатным клинком блеснуло прославленное имя – Корнилов! На недавнего начальника Петроградского военного округа, а ныне командующего Восьмой армией Юго-Западного фронта, застав дыхание, смотрела вся Россия, ловя каждое его слово. А он говорил о необходимости очистить армию от политики, оградить от пагубного влияния советов, требовал ужесточения мер для поддержания дисциплины и введения смертной казни в армии. Нельзя было противостоять анархии голыми руками и пустозвонством, чего никак не желали понять политики, но очень хорошо понимало большинство офицеров, чувствовавших в Корнилове ту силу, которая ещё может остановить катастрофу.

– Я не остановлюсь ни перед чем во имя спасения Родины от гибели, причиной которой является подлое поведение предателей и трусов! – заявлял генерал, и подпоручик Вигель, недавно вернувшийся на Юго-Западный после ранения, мысленно аплодировал этим словам.

В это время капитан Неженцев, возглавлявший разведывательное отделение Восьмой армии, подал на имя Корнилова докладную записку «Главная причина пассивности нашей армии и меры противодействия ей».

– Восстановить боевую мощь Русской Армии могут только решительные меры, идущие от Верховной власти, но, не дожидаясь их, сам фронт должен проявить инициативу: необходимо при штабах армий и корпусов, а также во всех полках немедленно приступить к формированию ударных отрядов из добровольцев, готовых без колебания пожертвовать собой во имя победы, и использовать их на самых опасных участках фронта, – утверждал Митрофан Осипович.

Корнилов инициативу капитана поддержал, и тот немедленно приступил к формированию Ударного отряда, позже ставшего Корниловским ударным полком. У Вигеля не было ни малейших сомнений, что именно в этом отряде его место, и одним из первых вступил в него. С капитаном Неженцевым у Николая почти сразу сложились хорошие отношения. Были они почти в одних летах, и, несмотря на различные пути, придерживались очень схожих взглядов.

Первый смотр отряда проходил в присутствии командующего. Трёхтысячный отряд выстроился в каре. Стальные каски горели на солнце, на плечах красовались ранее невиданные чёрно-красные погоны, а на рукавах грозная эмблема: голубой щит, на котором был изображён белый череп, скрещенные мечи и красная граната под ними. Капитан Неженцев приклонил колено, и Корнилов вручил ему знамя, на котором белым цветом было выведено название «1-ый Ударный Отряд». Митрофан Осипович со слезами поцеловал край чёрно-красного полотнища. Глядя на эту сцену, Вигель чувствовал, как у него самого ком подкатывает к горлу. А затем командующий обратился к своим воинам с речью:

– Русский народ добился свободы, но ещё не пробил час, чтобы строить свободную жизнь. Война не кончена, враг не побеждён, под ним ещё русские земли. Если русская армия положит оружие, то немцы закабалят всю Россию. Нашим детям и внукам придётся работать на немцев. Должны победить мы... Победа близка... На ваших рукавах нашит символ смерти – череп на скрещенных мечах. Это значит – победа или смерть. Страшна не смерть, страшны позор и бесчестье...

Он говорил негромко, отрывисто, но каждое слово его отпечатывалось в сердце каждого Корниловца, и каждый из них готов был хоть завтра сложить голову за Россию и своего генерала.

Корниловские Ударники сделали фактически невозможное. Благодаря им одним смогло состояться последнее наступление русской армии. Угрюмые, сосредоточенные, терпящие насмешки и враждебность со стороны своих же товарищей, одинокие в своём подвиге, они шли на него и погибали. Всё время наступления Корнилов находился на передовой, перенёс штаб на самую линию фронта. Пленные немецкие офицеры говорили на допросах, что за всю войну не видели такого стремительного натиска русских...

Восьмая армия истекала кровью, но её наступление не было поддержано соседними армиями, в которых многие части самовольно отходили в тыл, а офицеры рисковали жизнью, пытаясь их удержать. Не теряли времени и немцы: поняв, откуда исходит главная опасность, они сосредоточили силы на Юго-Западном фронте, сделав упор на участок выдвинувшейся вперёд Восьмой. Чтобы оттянуть силы немцев с этого направления, наступление началось на Западном и Северном фронтах, но оно быстро захлебнулось. Командующий Юго-Западным фронтом генерал Гутор растерялся и не мог принять правильного решения, а, между тем, катастрофа на фронте нарастала. Восьмая держалась до последнего, но и она не выдержала. Комиссар Анардович, которого сам Корнилов наградил Георгиевским крестом за проявленную в боях храбрость, пытался агитировать солдат за наступление, но те набросились на него, связали руки, и из-под их ударов он крикнул обезумевшей толпе:

– Я и на виселице, в петле скажу вам, что вы – сволочи!

Наступление закончилось катастрофой, генерал Гутор был снят с поста, а его место после некоторых колебаний согласился занять Корнилов...

Когда Лавр Георгиевич стал Главнокомандующим, у многих затрепетала надежда, что слабая и дышащая на ладан власть одумалась и решилась-таки сделать ставку на сильную личность, которая сможет не допустить победы большевиков. Тем больнее было, когда эта надежда так страшно и непоправимо обрушилась.

Вигель помнил, как кровь бросилась ему в голову, когда августовским днём он прочёл телеграмму правительства, в которой Верховный объявлялся изменником. В глазах потемнело, и на мгновение показалось, что голова вот-вот разорвётся. Николай стиснул виски и глухо застонал. А вскоре до войск была доведена телеграмма самого Корнилова, взывающая отчаянно к каждому русскому сердцу, надрывающая душу: «Русские люди! Великая Родина наша умирает. Близок час её кончины... Тяжёлое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех Русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьётся в груди Русское сердце, все, кто верит в Бога – в Храмы, молитесь Богу об явлении величайшего чуда, спасения родимой земли!... Русский Народ, в твоих руках жизнь твоей родины!» И залила душу Вигеля боль Верховного, рвущаяся из этих строк, и ещё невыносимее стало сознание собственного бессилия изменить что-либо.

Двадцать восьмого августа на площади Могилёва были выстроены войска. Ровно в три часа к ним вышел Корнилов. Все взоры тотчас обратились к нему, все замерли в ожидании. Генерал на мгновение остановился, а затем решительными шагами вышел на середину площади. Лавр Георгиевич заговорил, как обычно тихим голосом, и издалека, куда не долетали его слова, слышались крики:

– Громче! Не слышно!

Верховный приказал принести из Ставки стол. Взбираясь на него, он остутился и едва не упал. Кто-то стоявший в строю подле Вигеля, вздохнул:

– Дурной знак.

Николая бросило в жар, и он закусил губу.

Наконец, Корнилов заговорил вновь, и вся площадь обратилась в слух.

– Я удивляюсь наглости господина Керенского, объявившего меня изменником Родины. Этот человек – сам изменник Родины, так как усыпал народ трескучими фразами, скрывая настоящее ужасное положение. Вот вам случай: на Петроградском совещании, когда я искренне начал обрисовывать настоящее тяжёлое положение России, – меня остановили, предупредив, чтобы я был осторожен и что не обо всём нужно откровенно говорить!

Верховный высказывал это напряжённым, вибрирующим голосом, в котором звучала горечь и даже болезненность, изо всех сил сдерживая заплёсывающие чувства. Вигель понял, что именно эта постоянная вынужденность сдерживать себя лишает речи генерала яркости и звучности. Для того, чтобы быть хорошим оратором необходимо одно из двух: или спокойствие удава, натренированная способность в любой ситуации контролировать свои чувства, дабы они не мешали построению речи и артистизму, либо же обратное – умение дать им абсолютную волю. В последнем случае оратор подчас начинает заговариваться, но этого мало кто замечает, очаровываясь эмоциональностью. Но боевой генерал и Главнокомандующий не истеричка, не политический коммивояжер, чтобы позволять себе подобное поведение, и не опытный трибун, легко нанизывающий фразы, оставаясь при том невозмутимым. Вигелю казалось, что он почти физически чувствует, как колотит Верховного от переполняющих его обиды и возмущения, как разрывается его сердце, и каких трудов ему стоит подбирать слова, кажущиеся от этого столь бесцветными, словно песня, которой наступают на горло...

– Меня обвиняет Керенский в том, что я желаю захватить власть в свои руки. Только безумцы могут думать, что я, вышедший сам из народа, всю жизнь посвятивший служению ему, могу даже в мыслях изменить народному делу, – при этих словах голос генерала задрожал, и он на мгновение умолк, а поднятая рука его так и зависла в воздухе, словно обличая клеветников, посмевших выдвинуть против него чудовищные обвинения.

Николай почувствовал, как слёзы покатались по его лицу. Нет, не в Восьмой армии, а именно здесь, в этот момент он безотчётно отдал сердце Верховному, поклявшись служить ему до последнего вздоха. Как же должно было быть невероятно тяжело этому человеку, по недоразумению втянутому в политические интриги, преданному почти всеми, ошельмованному, втоптываемому без жалости в грязь вместе с горячо любимой Родиной, чьи страдания принимает он как свои! Известен закон, согласно которому людей, которые прочно стоят на ногах, готовы поддержать почти все, а от тех же, кто падает и кому нужна поддержка – отшатываются. Всю жизнь Вигель действовал наперекор этому закону. Он бросался на помощь тем, кому в данный конкретный момент было трудно, туда, где он был нужен. Часто Николай порицал Императора за его безволие, за бездумные решения, за фатально неудачный подбор кадров, но при известии о его отречении всё перевернулось в душе Вигеля. Он уже не помнил дурного, но знал, что отречение Царя – пролог трагедии, но страдал, представляя одиночество покинутого всеми Государя и сожалел о том, что не был подле него, что не мог помешать случившемуся... Уже на войне Николай впервые чётко понял, почему против желания отца стал адвокатом. Он органически не мог быть обвинителем, его призванием было защищать. Это качество он унаследовал от матери, также всю жизнь стремившейся защищать и оправдывать, сожалеть, а не судить. Вслед за ней и Вигель, осуждая какие-либо поступки, всегда стремился найти оправдание свершившему их человеку и не обличать его, но посочувствовать, вспомнив собственные проступки, которые Николай склонен был преувеличивать. И даже на фронте, убивая и ежечасно рискуя быть убитым сам, закрывая глаза своим друзьям и ведя своих подчинённых

под огнём на смерть, он всё равно оставался защитником, миротворцем, стремящимся заживлять раны всевозможных распрей и быть опорой тем, кто в ней нуждался. Слёзы текли по лицу Вигеля, но он не стыдился их, зная, что многие Корниловцы не могут сдержать их в этом миг.

А Верховный, между тем, завершал свою речь:

– Если Временное правительство не откликнется на моё предложение и будет так же вяло вести дело, мне придётся взять власть в свои руки, хотя я заявляю, что власти не желаю и к ней не стремлюсь. И теперь я спрашиваю вас, будете ли вы готовы тогда?

– Готовы... – раздалась нестройные голоса ещё не пришедших в себя воинов.

– Да здравствует народный вождь генерал Корнилов! – воскликнул Вигель, желая рассеять возникшее впечатление неуверенности, которое стало бы ещё одним тяжким ударом для и без того потрясённого изменой Верховного. – Ура!

И три тысячи голосов, как один, подхватили этот возглас и грянули громоподобно:

– Ура генералу Корнилову! Ура!

Вскоре Верховный вместе с рядом поддержавших его военачальников был арестован и заключён под стражу в Быхове, гостиницу которого спешно преобразовали в тюрьму, а Корниловский полк продолжил свою службу на фронте. В прощальном приказе Лавр Георгиевич завещал своим Корниловцам: «Все ваши мысли, чувства и силы отдайте Родине, многострадальной России. Живите, дышите только мечтою об её величии, счастье и славе. Бог в помощь вам».

Приход к власти большевиков застал Ударников на Украине. Тогда на этот последний полк, сохранивший нерушимую дисциплину, обратило взор обанкротившееся Временное правительство. Комиссар Григорьев повёл его в Киев, дабы подавить там большевистское восстание. Распоряжался этот горе-«полководец» до того безграмотно, что Корниловцы оказались в тяжелейшем положении, ведя кровопролитный бой на улицах древней столицы, поддержанные лишь юнкерами и кадетами местных училищ. В довершение всего Григорьев заявил капитану Неженцеву:

– Выступление правительственных войск в Киеве против большевиков натолкнулось на национальное украинское движение, на что я не шёл, а потому приступаю к переговорам о выводе правительственных войск...

Митрофан Осипович был вне себя. Его обычно бледное, долгое лицо побагровело, а глаза лихорадочно блестели под стёклами очков.

– Вот, Николай Петрович, затянули нас в мышеловку, а теперь и прихлопнут! – бросил он сопровождавшему его неотлучно Вигелю. – Надо срочно выбираться из этого проклятого бедлама, пока нас тут всех не перебили, как бессмысленных щенков!

– На Дон? – осторожно осведомился Вигель.

– На Дон! – кивнул Неженцев.

На Дон и Кубань уже эвакуировались военные училища, власть в городе оказалась в руках Центральной рады и большевиков. Петля на шее Ударников, оказавшихся в ловушке, затягивалась всё туже. Самовольно вести полк на Дон, не имея на то разрешения Ставки, Неженцев не мог, а потому, с великим трудом выведя своих людей из обезумевшего Киева, охранять который Корниловцам предложил Петлюра, Митрофан Осипович отправил в Ставку отчаянную телеграмму, умоляя спасти полк от истребления и отпустить его на Дон. На это прошение был получен категорический отказ.

– Да что же это, в самом деле, они там погибли для нас хотят? – недоумевал Неженцев, и губы его подрагивали от волнения. – Не могут простить нам имени, которого мы носим?

– Они боятся прослыть контрреволюционерами, – отозвался Николай.

– Это очень «дальновидно», учитывая, что их бесхребетная революционная власть приказала долго жить!

– Туда ей и дорога...

– Ей – да, но очень не хотелось бы последовать за нею, на что мы с вами, дорогой Николай Петрович, имеем все шансы. Обложили нас, словно волков на охоте, и травят... И красные флажки расставили вокруг – попробуй вырвись! – в голосе Неженцева звучало холодное бешенство. – Но если только вырвемся... Если только доберёмся до Дона... Если только... – дорогого для каждого Корниловца имя Митрофан Осипович не произнёс, но Вигель и без слов понял, о ком подумал командир.

Наконец, в канун собственной ликвидации Ставка отдала Ударникам приказ передислоцироваться на Кавказ для усиления тамошнего фронта и новых формирований. На практике это означало разрешение отправляться на Дон, но слишком поздним было оно. Все пути к тому времени оказались отрезаны, железная дорога полностью находилась под контролем большевиков. Корниловцы предприняли попытку пристать к казачьим эшелонам, пропускаемым на Дон, как «нейтральные», но ни в один из них не пожелали брать столь опасных попутчиков. Митрофан Осипович не находил себе места. Он лихорадочно перебирал все возможные (а, вернее, невозможные) варианты, пока, наконец, не нашёл единственный, который давал слабую надежду выбраться из западни:

– Эшелон с имуществом отправим самостоятельно. Приставим для охраны только несколько человек с поддельными документами о принадлежности имущества одной из кавказских частей, а полк распустим...

– А как же быть с начальством?

– К чёрту начальство! – взорвался Неженцев. – Донесём, что весь наличный состав разбежался! Если ещё будет, кому доносить!

– А что же станет с полком?

Митрофан Осипович глубоко вздохнул, хрустнул длинными пальцами:

– Курс неизменен – Дон. Будем надеяться, что малыми группами и по–одиночке у нас будет больше шансов просочиться туда.

Этот план был приведён в действие, после чего пути полковника Неженцева и поручика Вигеля временно разошлись.

– Удачи вам, Николай Петрович, – сказал на прощанье командир, поправляя очки. – Даст Бог, скоро встретимся при лучших обстоятельствах!

– До встречи на Дону, Митрофан Осипович, – чуть улыбнулся Николай.

Добираясь до назначенного места, Вигель с удивлением замечал, что собственная судьба почти не занимает его, словно было это что-то маловажное и имеющее значение лишь постольку, поскольку удастся ему вновь соединиться со своими товарищами и начать борьбу за спасение Родины. О том, что в Новочеркасске генерал Алексеев организует новую Добровольческую армию, ходили слухи, но подробностей не было известно никаких, и успехи, достигнутые в этом деле, многими преувеличивались. Тем не менее, очевидно было, что силы Корниловцев отнюдь не станут там лишними, и каждый человек будет на счету, а, значит, надо было, во что бы то ни стало, добраться туда. Добраться и узнать доподлинно, что стало с Верховным. О его судьбе неотступно болело сердце поручика. Если бы полк остался в Могилёве рядом со своим генералом, тогда бы тот был в безопасности! Правда, с ним остались верные текинцы, но брали сомнения, достанет ли этого? Болело, болело сердце Николая. Болело оно о Верховном, об однополчанах, которые, как и он, затравленные, пробивались окольными путями на Дон, о полковнике Неженцеве, под всегдашней строгостью и даже суровостью скрывающем ранимость благородной души, словно глаза под стёклами очков... А ещё вспомнился Император... И Цесаревич с большими, ясными и такими недетскими глазами, глазами, пережившими так много страданий за свою короткую жизнь, глазами, видевшими собственную смерть. И Государя, и Наследника Вигель видел однажды на смотре, проходившим в честь их прибытия, ещё год назад. Как же много воды утекло с того дня! Что-то стало теперь с несчастливым монархом? С его дочерьми, без всякого ложного величия заботившимися о раненых в открытом в

Царском Селе лазарете? Что с его больным сыном? А – с княгиней Елизаветой, столь любимой в Москве? Что будет с ними со всеми? Кто защитит их от красного демона, победно шагающего по Святой Руси?..

Вспоминая о Москве, поручик переносился мыслями в родной дом. Особенную тревогу внушала судьба отца. Бывший следователь, бывший гласный Московской Городской Думы, убеждённый консерватор, член Всероссийского национального союза и автор «Московских ведомостей», он ли – не мишень для ненависти «товарищей»? Да и мачеха не лучше – вдова миллионщика-мецената, благотворительница, состоящая в попечительских советах организованных покойным мужем театра, музея и каких-то ещё просветительских обществ... Нет, не простят большевики ни отца, ни мачеху...

А ещё осталась в Москве та, тревога за которую пережидала опасения за всех родных и близких вместе взятых. Та, о которой в этом аду так мучительно страшно было думать, и которая в то же время освещала его – надеждой на встречу.

Они познакомились весной – в Москве, в госпитале. Он медленно восстанавливался от тяжёлого ранения, а она, служившая сестрой милосердия, заботливо выхаживала его. Она не была красива. Широкое, открытое лицо, обрамлённое белым платком с красным крестом, мягкие губы, курносый нос... Её можно было бы назвать простушкой, если бы не удивительное обаяние, которое придавало ей очарование и привлекало к ней и мужчин, и женщин. А ещё были глаза. Обрамлённые густыми ресницами, всегда словно увлажнённые, полные сочувствия и ласки ко всем. Эти глаза невозможно было представить пылающими гневом, обиженными, холодными. Только добро, бесконечная любовь, безобидность и теплота жили в них, отражая душу, готовую принять в себя боль каждого. Таня была сестрой милосердия по духу, что встречалось не столь часто. Вся она была – само сострадание, сочувствие, утешение.

Перед подвигом милосердных сестёр Вигель преклонялся. Подлинное величие души показали русские женщины в тяжёлую годину. Изнеженные аристократки, хрупкие барышни, знатные дамы сменяли свои роскошные туалеты серыми платьями, белыми фартуками и косынками, образуя своего рода орден, подавая пример самоотвержения, милосердия, мужества. Великосветские дамы, привыкшие к красивой жизни, теперь добровольно, словно налагая на себя тяжкое послушание, привыкали к виду чужих страданий, страшных ран, крови, гноя, всевозможных болезней и нечистоты, ассистировали на операциях, ухаживали за ранеными офицерами и простыми солдатами, не боясь испачкаться и огрубить своих белых и нежных, холёных рук, не пряча глаз от царящих кругом мук, не морщась, исполняя свой долг, не считая возможным уклониться от испытания, посланного всему народу, частью которого ощущали себя эти женщины. Что говорить, если так трудились даже сами царские дочери! Даже Императрица... Николай вспоминал рассказ своего сослуживца, которому привелось находиться на излечении как раз в госпитале Царского Села:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.